

В СЕРИИ
«МИРЫ ЮЛИИ ОСТАПЕНКО»
ВЫШЛИ:

ДРАКОН И ЕГО РЫЦАРЬ

ПТИЦЕЛОВ

ТЕБЕ ДЕРЖАТЬ ОТВЕТ

ЖАЖДА СНЯЩИХ

ЗАЧЕМ НАМ ВРАГИ

ИГРЫ РЯДОМ

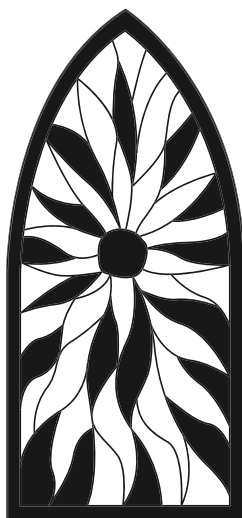
ЛЕГЕНДА О ЛЮДОВИКЕ

ЛЮТЫЙ ОСТРОВ

НЕНАВИСТЬ

СВЕТ В ЛАДОНЯХ

Юлия Остапенко

ЗАКОН
И ЕГО
РЫЦАРЬ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
О-76

Остапенко, Ю.

О-76 Дракон и его рыцарь / Ю. Остапенко. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 536 с. — (Миры Юлии Остапенко).

ISBN 978-5-517-00764-3

В королевстве Фарпола зреет народная революция, направленная на свержение королевской власти. Алек и Гжегож, закадычные друзья детства, оказываются по разные стороны баррикад: один отстаивает монархию и власть шляхты, другой — помимо собственной воли оказывается знаменосцем восстания. Теперь между ними — дымящиеся баррикады и реки крови. А ещё — общая тайна родом из детства, которая в той же мере их разъединяет, сколь и связывает друг с другом навеки...

Это повесть о смутном времени. Повесть о почве, на которой произрастают гуманистические идеи, щедро политые кровью. Повесть о мальчике, который стал рыцарем, и о мальчике, который стал драконом.

Но более прочего — это повесть о свете, способном победить тьму, смерть и саму историю.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-00764-3

© Юлия Остапенко, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ПРОЛОГ

ни ели малину втроем с одного куста. Алек придирчиво выбирал каждую ягоду, недозревшие оставлял, подпорченные стряхивал в траву. Гжегож рвал не глядя, набирая полные пригоршни, мял в ладонях и жадно высасывал стекающий по рукам сок. Катаржина стояла, спрятав руки за спину, и аккуратно снимала ягоды с веток губами — чтоб, не приведи бог, не запачкать платья, а то от матери влетит. Матушка Катаржины имела слабое представление о том, где слоняется ее дочь, и все еще тщила вырастить из нее настоящую благородную панну.

Куст объели быстро — одинокий дичок, невесть как очутившийся в лесной чаще и еще не успевший разрастись. Упоенно вздохнули в унисон. Гжегож облизнул пальцы, Алек — губы, Катаржина стряхнула с юбки прилипший листик.

— Идемте уже, — сказала она, поглядев на солнце. — Мне к обеду домой надо.

Они не были здесь давно, с начала лета, и тропинка — их тропинка, они ее сами нашли и сами же утоптали — успела зарастить сорной травой. Шли гуськом, как всегда: Алек впереди, за ним Катаржина, подобрав юбку и сгребя ее в узел перед грудью, а Гжегож замыкал. Вскоре выбрались к ручью, который за лето разлил-

ся на добрую сажень вширь. Катаржина страдальчески вздохнула и стащила с ног мятые туфельки, ступила босыми ногами в ледяную воду. Алек с Гжегожем пошли, как были, в башмаках, даже не подворачивая штанин. Солнце, жара — высохнет быстро. Ну а запачкаться они не боялись, из них-то никто не пытался вырастить благородных панн.

— Ну что там? — окликнул Алека Гжегож, которому из арьергарда было хуже всего видно. — Стоит?

— Стоит, куда денется, — довольно отозвался тот, выбираясь из ручья.

На отлогой полянке за ручьем, в окружении плотной стены деревьев, стоял шалаш — их гордость, их твердыня, их тайное место. Гжегож обогнул запыхавшуюся Катаржину и кинулся к шалашу, упал на колени в перемешанный с глиной песок, громко ругаясь и суетясь вокруг подпорок, удерживавших основание шалаша. Это он настоял на подпорках, еще весной, и ведь правильно настоял, а то после последнего паводка вон как вода поднялась в ручье.

— Видал? Как все размыло! — сказал Гжегож Алеку так возмущенно, словно Алек лично подмывал грунт, причем из самых дурных побуждений.

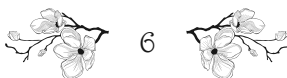
Алек только фыркнул, подавая Катаржине руку и помогая ей выбраться на поляну.

— Ну размыло, и что? Стоит же.

— А внутри? Все цело? — обеспокоенно спросила Катаржина, и Гжегож кивнул, хотя еще и не заглядывал в шалаш. Чужих следов вокруг не виднелось, только кабаньи у самого ручья, но до поляны они не дошли.

Катаржина полезла внутрь. Гжегож краем глаза заметил, что ее ноги теперь торчат из шалаша дальше, чем прежде, даже когда она забиралась внутрь целиком. Он подивился тому, как быстро она растет — а ведь уже и сейчас выше Алека, да и самого Гжегожа вот-вот перегонит. И как тогда, скажите на милость, с ней дело иметь? Вот тебе и прекрасная панна.

— Все цело, — удовлетворенно сказала Катаржина, вылезая из шалаша. — Почистить бы, да времени нет. Давайте уже начинать.

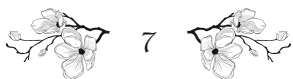
— Прямо так? — недовольно спросил Алек.

— Да ладно тебе! И так хорошо. А мне и правда к обеду надо дома быть, к нам в гости сегодня приезжает маркиграф Латоцкий. Мне бы еще помыться успеть. Давайте уж!

И она так сердито на него посмотрела, что Алек сразу присмирел. Смешной он, право слово — ну кому какое дело, до блеску начищены его латы или не чищены вовсе? Гжегожу вообще казалось, что нечищеными они как-то ближе к правде, что ли. Как будто по-настоящему все. В самом деле, всякий ли рыцарь, отправляясь на битву с драконом, озаботится до блеску вычистить латы перед самой схваткой? Не до того ведь. Да и перед кем хорохориться? Перед принцессой разве, но коли она сама говорит, что ей надо быть дома к обеду, так что уж...

Но Алек был тот еще чистюля и франт, так что повздыхал и побурчал, прилаживая к ногам поножи из покореженных стальных пластин, оставшихся от постройки амбара в его родовом замке, и вертя перед собой большую чугунную крышку от котла, служившую ему щитом. С досадой посмотрел на свою гордость — настоящий боевой шлем. Таких уже лет сто не носят, с тех пор, как мушкетные пули наловчились пробивать броню со ста шагов. Шлем был, как и поножи, покореженный и кривой, и Алеку очень велик — хотя сейчас уже не так велик, как в прошлом году, когда Алек его только нашел и целый месяц ходил, раздуваясь от гордости. Он и сейчас гордился своим доспехом, холил его и, как Гжегож подозревал, тайком бегал к шалашу один, чтобы лишний раз натереть и почистить. Иначе не объяснишь, почему ржавчины и пыли на шлеме всегда было меньше, чем на вещах Катаржины и Гжегожа.

Катаржина тем временем надела широкий голубой пояс, шитый потускневшим от времени серебром, на плечи накинула необъятный, многократно штопанный бархатный плащ, и, конечно, самое главное — прицепила к растрепанным волосам крошечную серебряную диадему, принадлежавшую раньше кукле. И чего только не отыщется в лавке старьевщика и в других местах, если только уметь хорошо искать. Эта кукольная корона

делала Катаржину, на взгляд Гжегожа, совершенно сказочным созданием, не принцессой даже, а феей, нереальной, удивительной и немного смешной. Но он не смеялся над ней никогда, потому что его нянька, дворовая девка Марыся, говаривала, что смеяться над духами леса опасно — проклянут.

— Ну, чего ждешь? Давай-давай! — поторопил Алек, входя в раж и размахивая деревянным мечом — наименее ценным, но наиболее символичным и значимым предметом своей экипировки. И так грозно сверкали его глаза из-под светлого чуба, что и впрямь мерещился в мелькании деревянного меча холодный стальной блеск.

Гжегож смотрел на них двоих какое-то время, на прекрасную принцессу и отважного рыцаря. Потом заговорщицки улыбнулся, хлопнул ладонями по коленям и встал.

— Я сейчас.

Его облачение было самым незатейливым и громоздким — по правде, оттого, что он придавал этому мало значения, меньше, чем Алек, и уж точно меньше, чем Катаржина. У Гжегожа был только хвост: длинный острый зубец, выломанный из кладбищенской ограды и прикрепленный к колодезной цепи. Цепь Гжегож обматывал вокруг пояса, как кушак, и когда ходил, зубец грохотал по камням и мотался из стороны в сторону, словно настоящий драконий хвост. Гжегож провел не одну бессонную ночь, вертясь в постели и мучительно пытаясь измыслить достойный образ драконьих зубов, но так толком ничего и не придумал, поэтому на пике действия просто изображал свирепость, раздувая ноздри и бешено скалясь. Он втайне чуть-чуть боялся показаться смешным, но Алек всегда был грозен, а Катаржина — испугана, так что, наверное, страх его не имел оснований.

Но сегодня Гжегож приготовил для них кое-что получше. Кое-что взыправдашнее, даже больше взыправдашнее, чем шлем Алека и корона Катаржины. Эта вещь всю дорогу лежала у него в заплочном мешке вместе с хлебом и сыром, и сейчас Гжегож вынул ее нарочито неторопливо, давая друзьям наглядеться и сполна осознать, что игра теперь пойдет всерьез.

— Ух ты-ы! — с присвистом выдохнул Алек. — Это же...

— Ага! — торжествующе кивнул Гжегож, надевая на пальцы и победно демонстрируя свое главное сокровище.

Это был латунный кастет — большой, тяжелый, даже слишком тяжелый для его кулака. Кастет был почти новый, матово сверкающий на летнем солнце, и самое главное — верхнюю часть каждого кольца венчал короткий, толстый, но достаточно острый шип. Гжегож сжал кулак и рассек воздух снизу вверх, упинаясь взглядами своих друзей — восторженным взглядом Алека и потрясенным взглядом Катаржины.

— Настоящая драконья лапа, — смакуя каждое слово, сказал Гжегож, как мечтал с самого утра, пока они шли к поляне. — Ну, бравый рыцарь, как-то дело пойдет теперь? Посмеешь пойти на дракона? У дракона нынче есть когти!

— Постой! — воскликнула Катаржина, хватая Алека за плечо. Ее взгляд беспокойно метался между ними. — Это может быть опасно!

В играх она была отменным товарищем, всегда мгновенно входила в роль, так что Гжегож даже не понял, кто тут за кого беспокоится — прекрасная принцесса на своего рыцаря или Катаржина за Алека.

Но Алек там или рыцарь, а противник у Гжегожа в любом случае был что надо. Блеск в его глазах стал еще жестче, злее, веселее. Алек шагнул в сторону от Катаржины, широко взмахнул мечом, описывая им полный круг.

— Вижу, чудовище, на сей раз ты хорошо подготовилось к нашей встрече. Видать, задал я тебе жару в прошлый раз — вон как наточило когти! Что ж, подходи, я тебе их с удовольствием поотрубаю.

— Не надо! — крикнула Катаржина, тонко и как-то слишком испуганно.

Потом, когда пройдет много лет, и Гжегож Войтович, сидя на болоте и глядя в пустое небо, будет вспоминать этот день, он так и не сможет сказать, была ли то игра или Катаржина вдруг почуяла что-то своим тогда еще юным, но уже мудрым

и пронизательным женским сердцем. Но сам Гжегож был в полном восторге как от своей новой добычи, так и, еще больше, от того, как встретили новшество его друзья. Особенно Алек, рыцарь в сверкающих доспехах — ведь для него, в сущности, все и затевалось. Для него Гжегож выменял этот кастет у старьевщика на несколько самых ценных своих сокровищ, включая и бронзовый кубок с отбитой ножкой, из которого, по семейной легенде, пил когда-то сам король Генрик Пловацкий. Но Гжегожу не нужен был этот кубок, ему и кастет-то сам по себе был не нужен. Он только хотел, чтоб, увидев кастет, загорелся восторгом Алек — хотел быть достойным врагом для отважного рыцаря.

— Ату-у-у! — взвыл Алек и, оттолкнувшись двумя ногами от глинистого песка, взмыл в прыжке, занося меч и готовясь обрушить его на «чудовище».

Гжегож обычно уклонялся от удара, уходил в перекат, а потом просто делал подсечку — Алек всегда валил напролом, техника боя у него была неважнецкой, и Гжегож легко побеждал его даже голыми руками. Он отталкивал деревянный меч ногой, подхватывал свой зубчатый хвост на цепи, грозно размахивал им, наступая на поверженного рыцаря, а принцесса подпрыгивала на валуне, хлопала в ладоши и кричала, подбадривая одного из них — смотря в каком пребывала настроении. Бой длился недолго, но радости всем троиц приносил столько, что они не ленились идти сюда через лес даже под угрозой быть позже нещадно битыми осерчавшей родней.

Так было раньше. Так было всегда. Так и должно было оставаться всегда.

Но теперь у дракона завелась когтистая лапа. И когда рыцарь с задорным гиканьем нанес удар, дракон не уклонился, а кинулся вперед, парируя удар когтями. Дерево скрипнуло, столкнувшись с латуней, и разлетелось в щепки. Рыцарь покачнулся, но устоял, взглянул на кривой обломок меча в своей руке. Ощерился, завопил и, вскинув этот глупый обломок, ринулся на врага.